

Чего ждать на финансовых рынках в ближайшее время?

Пресс-конференция* Егора Гайдара

Я позволю себе сказать несколько слов о том, как мне видится сегодня ситуация на финансовых рынках, что там происходит, от чего она зависит и что будет происходить дальше.

До середины ноября развитие событий на российских финансовых рынках находилось под определяющим влиянием развития событий на финансовых рынках в целом, наш фондовый индекс строго следовал за индексом Доу Джонса с лагом в один день, повторяя практически все его изгибы и колебания, с большими масштабами колебаний и с естественной общей тенденцией к росту, связанному с недооценкой рынка.

* Центральный Дом журналистов, 6 февраля 1998 года.

То же самое происходило с более важными рынками: с рынком ГКО, который в целом отражал высокий уровень доверия инвесторов, и с рынком валютным, где Россия получила возможность быстро наращивать валютные резервы. Базой благоприятной динамики основных фондовых рынков между весной и осенью 1997 года были признаки политической стабилизации в России и тот курс, который в прессе получил условное название курса "молодых реформаторов". Когда правительство начало реализовывать набор реформ, вполне понятных основным операторам рынка, внушающих веру в то, что российские финансы будут стабилизированы, будет рост, соответственно, будут и возможности обслуживания долга, а прибыли российских

компаний будут расти, — естественно, это дало огромный позитивный импульс развитию рынков.

С ноября на рынке происходит перелом. Наблюдаются два крупных цикла, в рамках которых наш фондовый рынок ведет себя совершенно не так, как ведет себя Нью-Йоркская биржа. Первый период — с десятых чисел ноября до начала декабря. И второй — период января. И тот, и другой характеризуются стремительным падением российского фондового рынка. Условно первый из этих периодов можно связать с существенными коррективами курса правительства, которые происходят как раз в момент перелома тенденции на рынке. Второй я связал бы с перераспределением обязанностей в правительстве.

Дело в данном случае, как вы по-

фото В. Хабидулина

имаете, не в персональных оценках тех или иных людей и не в перераспределении их обязанностей. Дело в том, как участники рынка оценивают: что будет делать российское правительство? До ноября им понятно, что оно собирается делать с налоговой и социальной политикой, политикой регулирования естественных монополий, приватизацией, открытостью процедур и т.д. А дальше им это явно становится непонятным. Постоянно поступают противоречивые сигналы: то "Роснефть" будет приватизироваться так, то — совершенно по-другому. То мы будем продавать имущество налогоплательщиков, то не будем... Все это на самом деле приводит к тому, что участники рынка просто перестают понимать, кто за что отвечает и что будет дальше делаться. А они этого больше всего не любят. И к счастью для себя и к несчастью для нас, они всегда имеют возможность отреагировать очень простым способом — снижением своих рисков в России.

Если бы речь шла только о фондовом рынке, а я еще раз подчеркиваю, что говорю о нем, потому что это самый динамичный, самый легко наблюдаемый сегмент рынка, то, в общем, это было бы не страшно. Но беда в том, что за фондовым рынком сразу идут рынок государственных обязательств и валютный рынок. На самом деле, если мы посмотрим, что происходит с рынком ГКО, то увидим — в этот же период происходит существенное повышение ставки: один раз с 25 до 32%, а второй — с 32% до 40—45%.

Что все это значит? При всех объективно существующих в экономике признаках улучшения (а они есть, они инерционно продолжают). В январе будет, по всей видимости, зафиксирован промышленный рост и налогов собрано существенно больше, чем в январе прошлого года) их абсолютно недостаточно для того, чтобы восстано-

вить доверие рынка, до тех пор пока не будет четко обозначено, какую экономическую политику собирается проводить правительство Российской Федерации. Это значит, что Центральный банк вынужден принимать меры, направленные на защиту курса рубля, потому что именно из-за неуверенности рынка идет продолжающийся отток валюты и нерезидентов и резидентов. Но сам по себе ЦБ, даже идеально действующий, не совершающий ни одной ошибки, не может заменить последовательно проводимой линии правительства. ЦБ сейчас повысил учетную ставку до 42%. Абсолютно правильное решение, необходимое — ничего другого ЦБ сделать не мог. Что следует после этого? После этого "Мудис" — крупнейшее рейтинговое агентство — сообщает, что оно дает негативный прогноз изменения рейтинга России. Почему? Потому что повысилась процентная ставка. Повысилась процентная ставка, значит, увеличивается стоимость обслуживания государственного долга. Увеличивается стоимость обслуживания государственного долга — увеличивается риск невыполнения государством своих обязательств, денежной и финансовой дестабилизации. Короче говоря, мы оказались поставленными в ситуацию, при которой действий ЦБ недостаточно.

Если правительство не даст четких сигналов, то чуть позже, через два, три, четыре месяца, серьезная денежная дестабилизация, которая может происходить в разных формах, неизбежно приведет к возобновлению высокой инфляции. И тут можно по-разному действовать — можно на некоторое время отсрочить девальвацию, поддерживать высокую процентную ставку, потом в какой-то момент напечатать деньги, чтобы покрыть долг. Можно девальвировать, получить инфляционный

всплеск, а потом посмотреть, как реагируют инвесторы — они могут, к примеру, дальше побежать от рубля. Короче говоря, без этих серьезных сигналов рынку среднесрочная денежная финансовая ситуация, на мой взгляд, становится неудержимой.

Складывается достаточно характерная для России ситуация. Когда властные элиты, пользующиеся влиянием и широкими возможностями, очень довольны проводимой правительством политикой, а в последние два месяца они явно были ею очень довольны, — это значит, что в этой политике что-то не в порядке, есть основания для серьезного беспокойства. На мой взгляд, надо понять главное — сегодня Россия находится в точке развилки. И состояние это носит краткосрочный характер: либо правительство в течение месяца, приняв комплекс понятных, прозрачных и очевидных мер, достаточно конфликтных по своей природе, даст возможность основным операторам рынка понять, что, собственно, оно делает и собирается делать в области финансирования бюджетного дефицита, сокращения государственных расходов, применения санкций к крупнейшим налоговым неплательщикам, приватизационной политики, крупнейших приватизационных процедур, запланированных на первое полугодие, защиты прав акционеров, и тем самым восстановит доверие рынка, либо при всей административной суете дальнейшая деградация этой ситуации будет продолжаться и мы будем приближаться к полноценному российскому финансовому кризису. Вот, собственно, моя оценка ситуации. Мне кажется, что первые признаки понимания этого буквально в последние дни стали появляться. Правительство и президент понимают, что ситуация очень опасная. Но рынку нужны не признаки, рынку нужны четкие, однозначные действия.

* * *

— Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, существует ли между правительством и ЦБ какое-то понимание друг друга — стоило Черномырдину уехать, как Дубинин объявляет о повышении ставок ЦБ? И второе: что сегодня делать предприятиям, которые так надеялись на низкую ставку рефинансирования для того, чтобы начать подъем?

— В целом краткосрочно ЦБ и правительство хорошо координируют свои действия. Естественно, подобного рода решения они принимают вместе и по согласованию. Но можно говорить о краткосрочной согласованности и долгосрочной рассогласованности. Да, естественно, повышение ставки ЦБ не было сюрпризом для правительства, а вот вопрос о том, в какой степени политика ЦБ по поддержке курса рубля может быть поддержана энергичными действиями правительства, — это совсем другое. Теперь о предприятиях: есть вещи, за которые они могут отвечать, а есть — за которые они отвечать не могут. Все, что связано с финансовой стабилизацией, ставкой процента, — это, в принципе, не в сфере ведения и влияния предприятий. И удар по ставке процента, конечно, серьезнейший удар по российским предприятиям, по перспективам их роста. Да, некоторые из них, завоевавшие очень серьезную репутацию на кредитных рынках, и в этой ситуации получают доступ к дешевым деньгам. Но, конечно, того положения, которое явно складывалось летом-осенью 1997 года, когда рынок дешевых кредитных ресурсов оказывался доступным для многих и многих российских предприятий, — этого положения мы не восстановим до тех пор, пока не будут решены задачи, о которых я сказал раньше.

— Должно ли, на ваш взгляд, правительство провести организационные перестановки внутри аппарата для исполнения тех мер, о которых вы говорили?

— Вы знаете, это действительно важный вопрос, но я не хотел бы гадать об организационных формах. Скажем, в феврале прошлого года российская экономическая политика тоже находилась в точке развилки, после этого были приняты в высшей степени серьезные решения, и они были организационно оформлены созданием нового кабинета министров. Я не думаю, что сейчас будут приняты такие же радикальные решения, но то, что они должны привести к существенной сдвигке механизма принятия и реализаций решений, — это очевидно.

— Что можно сказать о бюджете этого года?

— По бюджету. Меня умилил выступавший вчера в Думе Геннадий Николаевич Селезнев, который сказал: "Но ведь правительство не выполнит этот бюджет", после того как Дума запихнула в него 30 лишних миллиардов денонмированных рублей. "Они не смогут его выполнить", — сказал он, довольно глядя в камеру. Абсолютно прав Геннадий Николаевич! Действительно, эти 30 миллиардов — пустые деньги и выполнить бюджет с ними будет невозможно. Правительству надо очень четко отдавать себе в этом отчет и добиться того, чтобы этот нереалистичный бюджет не привел вновь к резкому обострению ситуации с бюджетными неплатежами. Главное, что, на мой взгляд, нужно сделать, — необходимо создать существенные внутрибюджетные резервы для обслуживания накопленного долга. Теперь что касается банков. Да, надо понять, что сегодня финансовая дестабилизация была бы серьезнейшим ударом по банков-

ской системе. В принципе банковская система способна приспособиться к работе в условиях высокой инфляции — больше того, высокая инфляция удобна, на ней можно заработать и т.д. Но для банковской системы особенно неприятны резкие и неожиданные переходы. Крупнейшие российские банки уже заложились в 1997-м на то, что политика будет предсказуемой, что с курсом ничего радикального происходить не будет, она соответственно страшит риск иностранцев и т.д. Сейчас, если рынок по-прежнему будет утрачивать доверие к рублю и к российским ценным бумагам, механизм развертывания кризиса в том числе будет идти через возникновение очень серьезных проблем у крупных российских банков.

— Егор Тимурович, вчера президент сказал, что он не даст в обиду Чубайса и Немцова. Какие еще слова нужны, чтобы рынок нам поверил?

— Рынок, действительно, реагирует на вещи чисто словесные. Если вы посмотрите на то, что происходило на рынке вчера, — увидите, как он реагировал на это. Но, тем не менее, для серьезных поворотов нужно другое. Для этого нужно, чтобы было понятно, как будет приватизирована "Роснефть". И что "Роснефть" будет приватизирована так, чтобы в максимальном выигрыше оказался российский бюджет, а не кто-то другой. Для этого нужно, чтобы стало понятно, что будет вообще происходить у нас с приватизацией в ближайшее время. Что будет происходить со "Связьинвестом", что будет происходить с приватизацией оставшихся акций "ЛУКойла". Для этого надо понять, будет ли практически государство делать то, что оно обещало делать с 1 февраля, то есть отключать от экспортной трубы нефтеэкспортеров, которые имеют долги перед бю-

джетом. Для этого должно быть понятным, что правительство действительно проводит политику нулевых чистых заимствований на финансовых рынках. Для этого должно быть понятным, что правительство вмешивается в крупнейшие скандалы, связанные с ущемлением прав акционеров, такие, как в МГТС, и многие другие. И если правительство все это покажет в ближайшее время, тогда я абсолютно убежден — рынок совершенно по-другому оценит риски на Россию и тенденция вновь может смениться на крайне благоприятную.

— При обсуждении Налогового кодекса возникало много вопросов о налогообложении операций с ценными бумагами...

— Там был промежуточный вариант, который очень напугал операторов рынка ценных бумаг и инвесторов. Получалось высокое налогообложение этих операций, но этот вариант был поправлен в правительстве на прошлой неделе. Его смотрели с участием комиссии по ценным бумагам, и в том варианте, в котором он сегодня представлен в Госдуме, мне кажется, основные заботы участников рынка ценных бумаг он снимает. Там выравнено налогообложение процентов по вкладам и по ценным бумагам, что было весьма важно для участников рынка. Теперь там нормально записаны процедуры работы с убытками и вычет расходов на приобретение ценных бумаг.

— В "Независимой газете" было написано, что вы, выступая в программе "Зеркало", заявили, что в отместку за накат на Чубайса расстроите всю финансовую систему России...

— Те, кто смотрел программу "Зеркало", знают, что я ничего подобного не говорил. Я не страдаю ма-

нией величия, не считаю себя великим демоном, который способен либо построить, либо разрушить российскую экономику. Я говорил о том, как реагируют рынки на то, что происходит в стране. Тогда я прогнозировал реакцию рынков. Последующие три месяца показали, что она была строго такой, как мы и ожидали. После этого произошли двукратное падение российского фондового рынка, резкое сокращение валютных резервов ЦБ и почти двукратное увеличение процентной ставки. Что касается этого пассажа в "Независимой газете" и в "Советской России", то мы сейчас изучаем этот казус с точки зрения возможности обращения в суд по этому делу в связи с тем, что сказанное, без всякого сомнения, является клеветой.

— Нужны ли, по вашему мнению, в нынешней ситуации какие-то коррективы в кредитно-денежной политике Центрального банка? И второе. Правильно ли, что сейчас правительство намерено принять меры по стабилизации рынка ценных бумаг путем внешнего заимствования?

— По возможности внешних заимствований, цене внешних заимствований и т.д. Цена внешних заимствований сегодня, конечно, все равно дешевле, чем цена внутренних. Но еще раз подчеркну, если не будет сигналов, что в целом Россия собирается в ближайшее время сокращать дефицит бюджета, то перераспределение от внутренних займов к внешним — это не выход. Поэтому принципиальный вопрос, принципиальная предпосылка возможной стабилизации — это, конечно, существенное ужесточение политики заимствования в целом. И потом на базе восстановления доверия возможно реструктурирование портфеля заимствований в пользу более дешевых внешних займов.

Теперь по корректировкам кредитно-денежной политики ЦБ. Мне бы очень хотелось надеяться, что этого не надо будет делать. Другое дело, что это не в полной мере зависит от ЦБ. Если правительство не сделает того, о чем я сказал, ЦБ, хочет он или не хочет, не в декларированную, а в реальную программу кредитно-денежной политики вынужден будет заложить совершенно другие проективки и по динамике курса, и по динамике процентной ставки.

— Вы, наверное, знаете точку зрения академика Львова и Сергея Глазьева, что экономический кризис связан с ГКО и со снижением ставок. Это тот предел, при котором нерезиденты не хотят находиться на нашем рынке, и поскольку все это связано с ГКО, то мы теперь ничего сделать не сможем. Как вы считаете, действительно так ли все связано?

— Я позволю себе напомнить дискуссию периода самого начала российских реформ, когда ваш покорный слуга говорил, что бюджетный дефицит в целом для России при ее неразвитых финансовых рынках предельно опасная штука и ответственная политика — это политика нулевого бюджетного дефицита, а ряд коллег, включая Григория Алексевиича Явлинского, говорили, что бюджетный дефицит сам по себе неважен, а важно, как он обслуживается. На деле правительство пошло по второму пути, пути, который предлагал Явлинский, начало финансировать дефицит на основе масштабных заимствований на внутреннем рынке, на рынке ГКО.

И если бы у нас был американский рынок или хотя бы итальянский финансовый рынок, огромный по отношению к ВВП, доля денег в ВВП была бы 60—70%, — эта стратегия была бы долгосрочно устойчи-

вой. У нас же при очень низком коэффициенте монетизации и маленьких финансовых рынках эта стратегия была с самого начала рискованна. Возможность ее проведения — это маневр, напоминающий выход из пике. Она зависела от того, в какой степени мировые рынки будут доверять России. Если они скажут: Россия перестала эмиссионно кредитовать бюджет, инфляция пошла вниз, сейчас начнется экономический рост, долг пока еще небольшой, его можно обслуживать, процентная ставка высокая, давайте вложим средства в российские ГКО, то есть из этого положения вполне можно выйти. Но как только мир потерял доверие к нашей политике — мы оказываемся в положении, где свобода маневра минимальная. Если уж это данность, то выходить из сложившейся ситуации можно только на основе того набора мер, о которых я сказал, то есть вновь восстановив доверие инвесторов к российским ценным бумагам. В общем, если тренд процентной ставки будет примерно таким, каким он был в 1997 году, если заимствования будут осторожными, если мы перейдем к политике нулевого первичного дефицита, то мы вполне можем выйти из этого пике без неуправляемого долгового кризиса. Но свобода маневра очень невелика.

— Про портфельные инвестиции вы уже сказали. Хотелось бы услышать о прямых.

— Прямые инвестиции — вещь менее мобильная, чем портфельные. Как начинается открытие рынка? Приходят сначала спекулятивные инвесторы, портфельные, потом приходят крупные долгосрочные портфельные инвесторы, потом приходят крупные прямые капитальные вложения. К 1997 году ясно было, что мы подошли к стадии, когда к российскому рынку начали проявлять интерес крупные прямые инвесторы,

и заключение соглашений "Шелл"- "ЛУКойл"—"Газпром", "Бн-Пн" — "Сиданко", "Фиат" — "ГАЗ" и т.д. было прекрасным свидетельством того, что крупные инвесторы, которые долго присматривались к рынку, развернулись к России лицом и сказали: большой рынок, чего бы нам там не присутствовать? Эти решения более инерционны, чем портфельные, но если чего-то радикального у нас не произойдет, то я думаю, что реализация этих проектов будет продолжаться. Она будет остановлена только в случае катастрофического развития событий в России.

Для прямых инвесторов огромное значение имеет налоговая реформа. И первый параметр, по которому можно было прогнозировать рост или сокращение потока инвестиций, — это Налоговый кодекс и форма, в которой он будет принят.

— У меня вопрос к Егору Тимуровичу как к лидеру ДВР. У вас, в вашем движении, есть какой-то однозначный подход к новой символике государства: к гимну, флагу?

— Я могу сказать, что у нас есть однозначное и категорическое неприятие идеи возврата к коммунистическим символам. У нас нет никаких сомнений во флаге. Мы принимаем герб в том виде, в котором он утвержден президентом, нравится он нам или не нравится. И у нас нет никаких сомнений в музыке гимна. Мы не можем предложить свою версию слов, и мне кажется, мы необязаны занимать здесь некую жесткую позицию. Но то, что это не должно быть восстановлением советского гимна, — это совершенно очевидно.

— Как, на ваш взгляд, может быть разрешена полемика между думским вариантом закона о выборах и президентским?

— Я, честно говоря, не знаю, как она будет разрешена. Могу предложить гипотезу. Она состоит в том, что следующая избирательная кампания будет проходить примерно по действующему законодательству, в которое, может быть, будут внесены небольшие коррективы. Мы обсуждали эту тему, есть серьезные аргументы и "за", и "против", они достаточно очевидны. Аргументы за изменения, переход в чисто мажоритарную систему понятны. При действующей системе в парламент приходит масса людей, которых вообще никто из избирателей не видел. Например, многие депутаты из фракции Жириновского. Мы узнаем об их существовании, когда у них убивают очередного криминального помощника. Негатив вполне понятен, но любые частые изменения в избирательном законодательстве тоже плохи. Партия пока не заняла однозначную позицию, мы сейчас договорились провести у себя обсуждение в организациях ДВР с тем, чтобы выработать общее согласованное мнение.

— Говорят, что Москва сегодня собирает 30% всех российских налогов, вроде бы в Москве "крутятся" 80% всех денег. Но уходят они на осуществление каких-то безумных и дорогих проектов вроде строительства подземного Манежа. Можно ли вот так выбрасывать деньги на ветер? Я разговаривал с красноярским губернатором, он сказал, что, если бы у него были такие деньги, они бы окупались за три года. В Москве обещают, что они окупятся за восемь лет, что маловероятно...

— Это хорошо известная проблема. Дело даже не в том, сколько денег обращается в Москве, сколько собирается налогов. В Москве, кстати говоря, налоги собирают не хуже, чем в России в целом. Дело в том, какие это налоги. Когда Юрий

ПРЕСС-КЛУБ

Михайлович Лужков гордо говорит, что мы собираем 30% российских налогов, очень интересно посмотреть структуру этих поступлений по источникам. И тогда вы выясните, что московское машиностроение, если память мне не изменяет, дает 0,6% этих поступлений, а транспорт российский дает 30%, а из них 26% дает трубопроводный транспорт — это "Транснефть" и "Газпром". Тот факт, что у нас сетевые структуры, которые работают на всей территории России, такие, как "Газпром", "Роснефть", РАО "ЕЭС России", "Ростелеком" и т.д., платят налоги в московский бюджет, конечно, приводит к колоссальным диспропорциям в налоговой обеспеченности регионов и Москвы.

Конечно, если у вас есть такое количество "лишних" денег, какие реформы тогда нужны? Зачем вам прозрачные бюджеты, зачем казначейское исполнение, какие тендеры, вы можете позволить себе строить атомные подводные лодки, все что угодно просто потому, что так своеобразно выстроена налоговая система. Введя принцип фискального федерализма, мы вместе с тем не позаботились подумать о том, что есть проблема сетевых общенациональных компаний, и в высшей степени странно, если их прибыль, их НДС будет поступать в бюджет одного субъекта Федерации, который, к тому же, находясь у этого золотого фонтана, будет требовать себе денег за то, что он у этого фонтана стоит. То есть — на выполнение столичных функций.

— Скажите, пожалуйста, в такой сложной ситуации обращалось ли правительство за помощью в ваш институт за получением каких-то рекомендаций и давали ли вы такие рекомендации?

— Да, обращались, да, давали.

*Материал подготовил
В.Хабидулин*

ФОНД ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СРЕДНЕГО КЛАССА

Фонд защиты интересов среднего класса создан для сбора средств и поддержки деятельности, направленной на утверждение в России либеральных ценностей, создания структур гражданского общества, развития предпринимательства и частной инициативы.

Фонд объявляет о приеме заявок на получение грантов:

ПО НОМИНАЦИИ "ОБРАЗОВАНИЕ" гранты в размере от 5 до 50 тысяч рублей выделяются для разработки учебных программ, написания и издания учебников и учебных пособий для средней и высшей школы по истории, экономике, психологии, литературе и другим общественным и гуманитарным дисциплинам, которые способствуют формированию либеральной системы ценностей и установок на демократическое развитие России.

ПО НОМИНАЦИИ "ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ" гранты в размере от 5 до 50 тысяч рублей выделяются на доработку и публикацию творческих проектов, способствующих пониманию гуманного характера политического и экономического либерализма.

ПО НОМИНАЦИИ "ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА" гранты в размере от 5 до 50 тысяч рублей выделяются на финансирование проектов, направленных на поддержку и создание центров правового консультирования, и оказание юридической помощи.

К заявке прилагаются:

- краткое описание предполагаемого проекта в объеме не более 5 страниц машинописного текста со сметой затрат и планом работы по данному гранту. В описание проекта необходимо включить: постановку задачи, мотивировку необходимости предполагаемого проекта;
  - профессиональную биографию (указать образование, работу по специальности и т.п.);
  - рекомендации, публикации и любые другие материалы, которые, с точки зрения авторов, важны для принятия решения о выделении гранта.
- При выделении грантов на 1998 год Фонд рассматривает на конкурсной основе индивидуальные и коллективные заявки, поданные до 1 июня. Представленные на конкурс материалы и проекты не возвращаются. О результатах рассмотрения заявок авторы извещаются в письменной форме.

Форма заявки на предоставление гранта:

1. Наименование проекта.
  2. Обоснование проекта (в произвольной форме, до 5 страниц машинописного текста):
    - а) постановка проблемы, цель и основные задачи проекта (краткое изложение ситуации с указанием наиболее острых проблем, в решении которых может поспособствовать осуществление проекта; общая цель и конкретные задачи проекта);
    - б) предполагаемые результаты проекта и критерии их оценки (каких общих и конкретных результатов предполагается достичь в результате реализации проекта, каким образом и по каким показателям может быть оценена успешность проекта).
  3. Краткие биографические сведения, данные о квалификации и должностных обязанностях всех участников проекта.
  4. Сроки выполнения проекта: начало..... окончание.
  5. Смета проекта (подробное постатейное объяснение всех расходов, произведенных за счет гранта, предоставляемого Фондом, описание собственных ресурсов соискателя).
  6. При необходимости — дополнительные сведения (1 страница машинописного текста).
- Заявки на гранты, а также запросы на дополнительную информацию и предложения о пожертвованиях просьба направлять по адресу: 103918 Москва, Газетный переулок, 3, стр. 2, комн. 534, Фонд защиты интересов среднего класса или по факсу: (095) 202-43-78.
Справки по телефону: (095) 229-67-36.